

Глава 3

Цзянцзо, гора Фэнхуан, усадьба Ше

Два месяца спустя

Ше Цзе провалялся без памяти с середины лета по самое начало осени — с мая по июль.

Находясь в полном неведении о происходящем в мире, он упустил майские забавы с разглядыванием рыб и сбором дынь, да сбор ряски в день летнего солнцестояния. Не довелось ему и покататься на лодке по Южному озеру в июне, лакомясь сочными личи под густым соусом. Он едва не проспал даже три главных праздника седьмого месяца: Цисяцзе, Чжунъюань и Середину осени.

К счастью, ключевое слово здесь — «едва».

Проявив поистине завидное упрямство, наследник Ше пришел в себя аккурат накануне праздника Чжунъюань — ни днем раньше, ни днем позже.

Все, кто хоть немного знал Ше Цзе, в один голос заявили бы: подобное коленце мог выкинуть только он.

Наследник Ше был сибаритом до мозга костей. Но не из тех гуляк, что безвылазно торчат в борделях и волочатся за каждой юбкой. Нет, его страстью было расточительство и роскошь, он превратил праздность в искусство, сделав наслаждение смыслом жизни. Круглый год, изо дня в день он умудрялся придумывать все новые развлечения, обустривая свой быт с запредельным изыском.

Словом, лишиться хоть крупницы веселья для Ше Цзе было подобно смерти. Разве мог он позволить себе проспать великие празднества? Да, Цисяцзе он упустил, но впереди еще оставались Чжунъюань и Середина осени — а значит, пришло время наверстывать упущенное.

Едва очнувшись, Ше Цзе почувствовал, как сознание туманится. Разум и тело будто существовали в разных мирах — ощущение томительное и крайне неприятное.

Однако физическая немощь не шла ни в какое сравнение с той душевной болью, которую он испытал, услышав вкрадчивый шепот служанки. Она принялась перечислять, сколько изысканных пиров и гуляний он пропустил за время своего сна.

Ше Цзе лежал на кровати, покрытой простым красным лаком, и безучастно разглядывал расшитый бирюзовый полог за жемчужной завесой. То ли он пытался поймать ускользающие образы причудливых сновидений, то ли просто не мог сообразить, какой нынче день и год.

Когда в покои поспешили старый управляющий усадьбы и лекари, молодой господин уже умудрился принять полусидячее положение. Точнее, дюжая служанка заботливо усадила его, уложив под спину мягкие подушки с шелковыми кистями, чтобы он мог делать вид, будто сидит сам. Впрочем, эта поза мало чем отличалась от его привычной столичной манеры разваливаться где попало, будто у него напрочь отсутствовал хребет.

Рассеянные лучи солнца пробивались сквозь узорчатые оконные рамы, принося с собой полуденную негу и покой.

Лежащий на постели знатный юноша был поразительно хорош собой: белокожий, с сияющими глазами, ровными жемчужными зубами и лицом свежим, точно весенний цветок под луной. Когда он не улыбался, его тонкие брови, подобные далеким очертаниям гор, просились на холст живописца. Но стоило его губам изогнуться в улыбке, как в облике вспыхивало озорство, и он мгновенно оживал, принося в чинные покои дыхание шумного земного мира. И как бы он себя ни вел, в каждом жесте сквозила царственная стать.

Молодой ученик лекаря, следовавший за своим учителем, впервые осмелился поднять голову и застыл как вкопанный.

Юноша не знал, как выразить словами охватившее его благоговение, но в памяти невольно всплыли сетования одного столичного сановника: «Кому что на роду написано. Иные рождаются лишь ради того, чтобы купаться в роскоши и неге. И ведь ничего тут не поделаешь, до чего же досадно!»

Тогда ученик думал, что вельможа говорит о себе, но теперь, узрев легендарного наследника Ше, понял, кто был истинным героем тех слов.

И в эту секунду он наконец нашел, что ответить тому вельможе — досадуй не досадуй, все без толку.

Матушкой наследника Ше была Великая старшая принцесса-покровительница государства Вэнь Тянь, стяжавшая воинскую славу на полях сражений, а отцом — прославленный на всю Поднебесную великий писатель Ше Хэ. Что уж говорить о невероятном могуществе кланов как по отцовской, так и по материнской линии... Чтобы получить такое рождение, Ше Цзе в прошлой жизни должен был спасти мир, не иначе. Он имел полное право быть изнеженным и капризным баловнем судьбы.

Ше Цзе лениво обвел взглядом толпу, заполнившую комнату и выплеснувшуюся в приемную залу, и тут же потерял к ней всякий интерес.

Он принимал заботу служанок и лекарей, меривших его пульс, как нечто само собой разумеющееся. Даже лежа в постели, он умудрялся требовать к себе царского внимания. Пока он спал беспробудным сном, слуги ежедневно разминали ему тело, разгоняя кровь по жилам, и смиренно справлялись о здоровье. Весь мир крутился вокруг него — по крайней мере, здесь, в усадьбе Ше в Цзянцзо.

Когда лекари закончили осмотр и принялись вполголоса совещаться, Ше Цзе слегка приподнял подбородок, подзывая старого управляющего. Тот почтительно приблизился и с глубокой тревогой взгляделся в лицо молодого господина.

Старый управляющий усадьбы тоже носил фамилию Ше. Он принадлежал к потомственным слугам: в юности был книгоношей при деде Ше Цзе, затем управлял делами его отца, Ше Хэ, а после его безвременной кончины всю душу вложил в заботу о единственном юном наследнике. На его глазах этот хрупкий ребенок превратился в прекрасного юношу, и старик пылинки с него сдувал.

И пусть сейчас Ше Цзе выглядел вполне бодрым, управляющий запричитал с неподдельным сокрушением:

— Наш молодой господин пережил такое несчастье, краше в гроб кладут, натерпелся же он мучений.

Сам Ше Цзе совершенно не помнил, что с ним происходило во время обморока, и никаких страданий не ощущал. Он просто проспал гораздо дольше обычного, отчего в костях поселилась приятная лень. Тело все еще плохо слушалось, поэтому он лишь слегка повернул голову, напоминая забавную глиняную куколку-мохэло, и буркнул:

— Да в порядке я. Не надо плакать надо мной, только голова от этого разболится.

Слова прозвучали капризно и даже грубо — можно было подумать, будто чужая забота для него в тягость.

Но старый управляющий знал Ше Цзе с пеленок и прекрасно понимал его непростой характер. Молодой господин вовсе не был неблагодарным, он просто не умел выражать чувства иначе. В конце концов, разве можно винить его за это? Ведь такому безупречному созданию пристало быть высокомерным и далеким от мирской суеты!

— Почему же тогда лицо молодого господина омрачено печалью? — участливо спросил старик, подмечая малейшие перемены в настроении подопечного.

Стоявшие неподалеку лекари затаили дыхание, не смея поднять глаз. Никто из них не заметил на лице изнеженного наследника и тени грусти. Но раз управляющий утверждает, что молодой господин не в духе, значит, так оно и есть, и спорить тут не пристало.

Ше Цзе кривить душой не стал. Он действительно был раздосадован. Надув губы, он принялся загибать пальцы перед старым управляющим:

— Я пропустил майских жареных гусей, сладкую майскую личи, медовые финики и мушмулу. И июньское цветочное вино, семена лотоса, хризантемовый чай и спелые персики. А уж про

ледяную пасту из личи, которой лакомятся все лето, я вообще молчу! Как, по-твоему, я должен себя чувствовать?

Загибая пальцы дальше, он сокрушался о множестве других упущенных утех. Лето в Цзянцзо всегда баловало изобилием веселья.

Ше Цзе горестно вздыхал, напоминая ребенка, который пытается подражать взрослым и напускает на себя напускную скорбь. Не то чтобы ему не хватало еды или роскоши, но сама мысль о том, что эти удовольствия теперь доступны только в следующем году, жгла ему сердце, не давая покоя.

Упущенная выгода казалась ему катастрофой вселенского масштаба.

Управляющий выслушал эти сетования с привычным спокойствием. А вот лекари, прибывшие из самой столицы, с трудом сдерживали изумление. Еще в Юнцзи они слышали, что у наследника Ше не все дома, но не предполагали, что дело обстоит настолько худо.

Ше Цзе, наследника Ше, в столице знали все от мала до велика. И даже те немногие, кто не помнил его благозвучного имени, безошибочно узнавали его по детскому прозвищу — Туньэр, что означало «Поросенок».

Это незатейливое имя дал ему еще покойный император Тай-цу, и оно прочно вошло в обиход последующих правителей династии Ци. В этом простонародном имени крылась главная и самая искренняя надежда императорской семьи: простое имя легче убережет дитя от злых духов.

От Ше Цзе не требовали великих свершений. Все, чего от него хотели — чтобы он рос здоровым, счастливым и дожил до глубокой старости.

Поговаривали, будто покойный император Вэнь-ди, кузен наследника Ше, умирая на поле боя от вражеских стрел, в свои последние минуты думал вовсе не о беременной супруге и не о будущем наследнике престола, а прошептал: «Туньэр, должно быть, очень расстроится...»

Так имя «Туньэр» разнеслось из императорского дворца по всей стране. Он остался единственным изнеженным янеем, которого не покарала суровые заветы предков Тай-цу.

Разумеется, придворные чины частенько ворчали на то, что сменявшие друг друга императоры так пеклись о никчемном бездельнике. Но поделать ничего не могли: Яней Ше был настолько бесполезен, что не умел даже толком бесчинствовать или притеснять простой люд. В этом он походил на бесталанного императора Шэнь-цзуна, который не преуспел ни в науках, ни в ратном деле. Подавать на него жалобы в тронный зал казалось делом низким, будто обижаешь убогого.

Да и впрямь убогий — умалишённый, чью глупость не исцелит ни один медицинский трактат.

Взять хотя бы случай двухлетней давности, когда Ше Цзе спас императора здесь, в Цзянцзо.

Ше Цзе тогда сопровождал императора Вэнь-ди, отправившегося поклониться предкам. Никто толком не знал деталей случившегося, но в столицу пришла весть, что государь подвергся смертельной опасности и чудом уцелел. Ше Цзе, не обученный ни боевым искусствам, ни военному делу, каким-то немыслимым образом заслонил императора собой от вражеского клинка. И пока столичные интриганы гадали, не выдумал ли государь эту историю, чтобы дать кузену дворянский титул, Ше Цзе распорядился своей наградой самым нелепым образом.

Вместо чинов и почестей он выменял спасение императора на заброшенную, заросшую бурьяном улицу на окраине загородной резиденции.

Он не стал требовать золота или высоких постов, приравняв жизнь правителя Поднебесной к забытому богом пустырю. Изогранные планы придворных интриганов рассыпались в прах, оставив их в полнейшем недоумении.

Тогда-то кто-то из язвительных старых вельмож в сердцах и бросил: «Да у этого наследника Ше просто ветер в голове гуляет!»

Слово за словом, слух разлетелся по всей стране, и теперь каждый житель Поднебесной знал: у наследника Ше действительно в голове сквозняк.

Глядя на пробуждение молодого господина и его капризы, лекари лишь укрепились в своем мнении. Это не наследник, а просто спелый, мягкий персик, лишенный всякой твердости!

<http://bllate.org/book/19472/1950725>